

2020/4 (92)

Древняя Древославия

Образ святого пророка Илии на молебне в деревне Кулаково. 2 августа 2020 года

ЛЕТОПИСЬ ЕДИНОВЕРЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

МОЛЕБНЫ В ВЕРТЯЧЕВО И КУЛАКОВО

Священноиерей Валерий Булычев и певчие на молебне в деревне Кулаково
2 августа 2020 года

По установившейся традиции в дни праздников Рождества Иоанна Предтечи и святого славного пророка Илии священнослужители, клирошане и паства Михаило-Архангельского единоверческого храма совершили 7 июля и 2 августа молебны в деревнях Вертячево и Кулаково.

Оба молебна совершались на открытом воздухе, в присутствии многих местных жителей, которые почитают вышеуказанные праздники Престольными для своих деревень и свято хранят переданный от

благочестивых предков обычай чествовать святых Иоанна Крестителя и Илию Пророка участием в храмовом богослужении и служением водосвятных молебнов в родных деревнях.

В последние годы эти торжественные богослужения посещают и прихожане Михаило-Архангельского храма, проживающие в других населенных пунктах, также желающие выразить свою любовь к угодникам Божиим и разделить радость праздника с жителями Кулаково и Вертячево.

ОСВЯЩЕНИЕ ОБНОВЛЕННОГО ЕДИНОВЕРЧЕСКОГО ХРАМА В КУЗНЕЦКЕ

Слева направо: священноинок Варсонофий (Яшин), протоиерей Ростислав Ребровский, священник Сергей Боровиков и прихожане Кузнецкой единоверческой общины на службе освящения храма. 6 августа 2020 года

6 августа 2020 года в день памяти первых русских святых страстотерпцев благоверных князей Бориса и Глеба состоялось освящение обновленного храма Крестовоздвиженской единоверческой общины города Кузнецка.

Водосвятный молебен и освящение по благословению временно Управляющего Кузнецкой епархией митрополита Пензенского и Нижнеомовского Серафима возглавил благочинный Кузнецкого округа протоиерей Ростислав Ребровский в сослужении

настоятеля храма священноинока Варсонофия (Яшина) и иерея Сергея Боровикова.

За богослужением пел хор единоверческого храма под управлением регента Елены Бояровой, молились прихожане и гости единоверческой общины.

В 2013 году престол этого храма был освящен тогда еще епископом Кузнецким и Никольским Серафимом, ныне митрополитом Пензенским и Нижнеомовским. С того времени община стала расти и укрепляться. Много лет единоверческая община

молилась в небольшом храме, который в дни праздничных служб не мог вместить всех желающих. С помощью Божией и равнодушием прихожан церковь была расширена и теперь может вместить всех

желающих молиться по древнерусскому чину. Несмотря на все трудности, Промыслом Божиим и помощью святителя Николы Чудотворца, чаяния кузнецких единоверцев совершились.

ТОРЖЕСТВЕННОЕ БОГОСЛУЖЕНИЕ В ДЕНЬ РОЖЕСТВА СВЯТИТЕЛЯ НИКОЛЫ ЧУДОТВОРЦА В КРЕСТОВОЗДВИЖЕНСКОМ ЕДИНОВЕРЧЕСКОМ ХРАМЕ ГОРОДА КУЗНЕЦКА

Священнослужители после окончания Божественной литургии. 11 августа 2020 года

11 августа 2020 года, по благословению Высокопреосвященного Серафима, митрополита Пензенского и Нижнеломовского, временно Управляющего Кузнецкой епархией, в Крестовоздвиженском единоверческом храме Кузнецка было совершено торжественное богослужение. Издревле на Руси существовала традиция праздновать в этот день Рождество святителя и чудотвор-

ца Николы, архиепископа Мир Ликийских. Служба была совершена по древнерусскому чину, так, как молились многие века назад наши благочестивые предки.

Божественную литургию совершили священнослужители из девяти епархий Русской Православной Церкви: Московской областной епархии, Кузнецкой и Пензенской (Пензенская митрополия), Лысков-

ской и Городецкой (Нижегородская митрополия), Нижнетагильской (Екатеринбургская митрополия), Покровской (Саратовская митрополия), Саранской (Мордовская митрополия), Тольяттинской (Самарская митрополия). Возглавил богослужение протоиерей Евгений Саранча, клирик Михайло-Архангельского храма села Михайловская Слобода Московской областной епархии.

За богослужением пели два хора под управлением регентов Василия Сорокина и Серафима Водопьяна.

По сложившейся традиции, этот праздник привлекает множество молящихся — более сотни богомольцев собрались почтить святителя и чудотворца Николу.

По окончании богослужения благочинный Кузнецкого округа протоиерей Ростис-

лав Ребровский поздравил всех молящихся с праздником и расширением единоверческого храма.

В своем слове он подчеркнул, что совместное служение клириков многих епархий Русской Православной Церкви в единоверческом храме Кузнецка является свидетельством единства всех чад Церкви, принадлежащих к разным богослужебным традициям.

Настоятель храма священноинок Варсонофий (Яшин) поблагодарил всех за праздничное богослужение, помощь и внимание к единоверческой общине. Отец Варсонофий выразил надежду, что ставшее традиционным ежегодное совместное богослужение будет совершаться из года в год.

Иерей Максим Мальцев.

По материалам сайта Кузнецкой епархии

Участники торжественной службы в день Рождества святителя Николы Чудотворца. 11 августа 2020 года

ИСТОРИЯ ЕДИНОВЕРИЯ

ИСТОРИЯ МОСКОВСКОЙ ЕДИНОВЕРЧЕСКОЙ ТИПОГРАФИИ

ОТКРЫТИЕ МОСКОВСКОЙ ЕДИНОВЕРЧЕСКОЙ ТИПОГРАФИИ ПРИ ТРОИЦЕ-ВВЕДЕНСКОЙ ЕДИНОВЕРЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ

Продолжение, начало в № 1–3 2020

«Пореваемые ревностью старообрядцы неусыпно умоляют <...> Воззрите, Сиятельнейший Граф, милосердным оком на младенцев, страждущих душевной пищи <...> Не оставьте, Ваше Сиятельство, своей милостию кому следует предписать, чтобы позволить здесь, в Москве открыть старообрядческую нам типографию»¹.

*Из письма московских единоверцев генерал-губернатору
И. П. Салтыкову от 26 февраля 1803 года*

Троице-Введенская единоверческая община стала в Москве первой по времени возникновения. Более ста лет она играла наиболее значимую роль во всем московском единоверии. Община образовалась в 1799 году из 250 старообрядцев, принявших единоверие на правилах митрополита Платона 1800 года. У Салтыкова моста через Яузу было выбрано место для первого в Москве единоверческого храма. Основными его строителями стали купцы Григорий Александров, Дмитрий Ямщиков, Филипп Шелапутин, Осип Андреев². Храм, для которого был использован уже построенный дом, освятили 16 марта 1801 года в честь Введения в церковь Пресвятой Богородицы. Первым священником стал Иоанн Петрович Полубенский, прежде служивший в церкви Николы Гостунского³.

В 1807 году он был возведен в сан протопресвитера — очень редкая награда для того времени. В единоверческом храме его служение продолжалось до ухода на покой

в 1825 году. «Это был человек достаточно образованный, просвещенных взглядов, с запасом житейской опытности, отличавшийся безукоризненным поведением и уже обнаруживший пастырский такт»⁴.

В 1819 году тщанием прихожан была построена церковь во имя Святой Троицы. Строительство другого храма взамен прежнего деревянного — во имя Введения в церковь Пресвятой Богородицы — было начато в 1822 году и закончено в 1825 году. Троицкая церковь была холодной, Введенская — теплой. «Зданием обе церкви каменные, с колокольнею. Престолов в обеих церквах по одному. Утварию достаточны»⁵.

Это, пожалуй, к сожалению, все, что известно о возникновении и начальной деятельности первой московской единоверческой общины. В начале XX века Н. В. Лысогорский

в своем обширном исследовании об отношении митрополита Платона к единоверию отмечал значительные пробелы в источниках по изучению истории московского едино-

Купец Григорий Александров — один из основателей московской единоверческой общины

Троицкая единоверческая церковь
Гравюра по рисунку Фабера дю Фор Христиана Вильгельма, сделанного 3 октября 1812 года

верия. Так, о делах архива Московской духовной консистории он говорит: «Мы просмотрели многочисленные связки Московского консисторского архива и, к великому своему прискорбию, убедились в утрате из архива многих дел... Например, дел об учреждении в Москве единоверия в настоящее время совсем нет... Так как отсутствие документов всего ощутительнее чувствовалось по вопросу об единоверии, то мы обратились к московским единоверцам, к достоуважаемому протоиерею отцу Иоанну Звездинскому. Но на месте первоначального возникновения в Москве единоверия отыскался только один подлинный документ»⁶.

Желание иметь собственную типографию московская единоверческая община высказывала неоднократно, начиная с самого своего возникновения. Так, известно, что

в 1802, 1803, 1805 годах поверенные от московских единоверцев Семен Григорьев, московский второй гильдии купец Максим Капустин и Московской губернии государственный крестьянин Никита Федоров, сын Ильин, «начально чрез тамошнего Военного Губернатора Генерал-Фельдмаршала Графа Салтыкова, а потом и сами двумя просьбами, в Святейший Синод поданными, просили дозволения об учреждении для печатания, сходных с старопечатными, книг типографии в Москве»⁷... Вот пример одного такого прошения: «Пореваемые ревностью старообрядцы неусыпно умоляют прибегнуть под Ваше покровительство. Воззрите, Сиятельнейший Граф милосердным оком на младенцев, страждущих душевной пищи. А она зависит только от Вашего отеческого к нам благоволения, ибо по воле Его Высочайшего

Введенская единоверческая церковь
Конец XIX — начало XX века

Императорского Величества соизволения завели на старых обрядах церквей, а отправлять богослужение не по чему. Если списывать со старых печатных книг и по письменным отправлять, то страх и трепет находит на нас, дабы в переписках не последовало какой погрешности. Не оставьте Ваше Сиятельство своей милостию кому следует предписать, чтобы позволить здесь, в Москве открыть оную старообрядческую типографию <...>, чтоб благоволил Святейший Синод под присмотром своей цензуры. И еще прилагаю данную мне от оных старообрядцев доверенность, того ради и прошу Ваше Сиятельство не оставить Своей милостию успокоить оных души. Вашего Сиятельства всепокорнейший слуга Максим Капустин. 26 февраля 1803 года»⁸.

В свете всех сложившихся обстоятельств, главным из которых была многолетняя и безуспешная борьба с нелегальными старообрядческими типографиями, мало-российский генерал-губернатор князь А. Б. Куракин посчитал необходимым пойти

Троицкая единоверческая церковь
Конец XIX — начало XX века

навстречу московским единоверцам. 6 апреля 1806 года он направил Синоду следующее мнение: «чтоб было одно только московским единоверцам печатание книг, принадлежащих к служению в церкви, и в том количестве, которое Святейший Синод почтет нужным, полезнее будет, если дозволение о заведении типографии ограничить на одну только ту в Москве типографию, о которой просят единоверцы в Москве живущие, и где присмотр, Святейшим Синодом требуемый, с большою удобностию учредить может»⁹. 16 мая того же года вышел указ Святейшего Синода, в котором было определено: «учредить только одну типографию, назначив пребывание ее в Москве, на иждивении тамошней Единоверческой церкви прихожан, так как они уже просили о сем и прежде. Типографии сей относительно печатания в ней упоминаемых книг, быть под присмотром, имеющих определиться от Синода чинов, из которой получать книги за установленную цену могут и все старообрядцы; но дабы не могло последовать ей подрыва

от издания таковых же книг в других, ныне существующих типографиях, то все прочие, именуемые раскольническими, необходимо следует уничтожить, и печатание и продажу вышепрописанных, относящихся к церковному служению, книг вообще запретить, да и самый ввоз из-за границы таковых книг оградить строжайшим запрещением и присмотром. А чтобы содержатели раскольнических типографий не понесли чрез сие уничтожение убытка, то учредителям типографии в Москве объявить, не согласятся ли они купить у них типографских принадлежностей по добровольному в цене между собою соглашению»¹⁰. Однако лишь через двенадцать лет было принято решение на уровне правительства. 27 августа 1818 года Комитет Министров во главе с князем П. В. Лопухиным постановил иметь только одну типографию для издания книг, сходных со старопечатными, в Москве на иждивении прихожан единоверческой церкви; типографии состоять «под присмотром особых чинов», назначенных Святейшим Синодом¹¹. Это положение Комитета Министров было утверждено Императорским Указом 31 декабря 1818 года.

О готовности прихожан и попечителей Троице-Введенской церкви к началу работы типографии говорит следующий документ: «По Указу Его Императорского Величества Святейший Правительствующий Синод слушали рапорт Вашего Преосвященства, коим вследствие Указа Святейшего Синода, от 11 октября прошлого 1818 года, донесли, что изъясненное в оном Высочайшее повеление, которым дозволено вместо уничтоженных при Посаде Клинцовском и селении Махновке Черниговской губернии, старообрядческих типографий учредить оную в Москве. На отчете прихожан тамошней Единоверческой церкви объявлено им, и они с общего согласия устройство дозволяемой типографии, для печатания богослужбных книг, сходными с старопечатными, на свой отчет охотно принимают, для чего при той церкви дом удобный к помещению всего принадлежащего в типографии

имеется, все потребные к печатанию вещи и материалы, купленные у содержателя Клинцовской типографии в готовности, даже и знающие мастерство сие люди приисканы и приговорены и при получении решительного на то дозволения, приступят к делу и ни в чем остановки не предвидится»¹².

Дело об издательских правах московских единоверцев, однако, на этом не закончилось. Должны были быть определены правила для новой типографии. Их подготовкой занялся митрополит Московский и Коломенский Серафим (Глаголевский). Он предложил Святейшему Синоду следующие пункты правил:

1) Содержатель-попечитель типографии должен был избираться прихожанами единоверческой церкви и иметь поручительство старосты и трех прихожан в том, что все издания будут представляться к утверждению духовным надзирателям: «Единоверческая типография должна состоять со всеми мастеровыми людьми под управлением типографского содержателя, избранным самими единоверцами с поручительством за него старосты церковного и трех почетнейших и достойнейших прихожан, что он ничего печатать, без утверждения духовных надзирателей, не будет»¹³.

2) К печати разрешались только богослужбные книги как перепечатки уже прежде выходивших изданий при первых пяти патриархах: «печатать одни книги богослужбные прежде с благословения Патриархов печатанные, как-то Евангелие, Апостол, месячные минеи в двенадцати книгах, Минею общую и праздничную, Триодь постную и цветную, следованную псалтирь, октоих, ирмолог, служебник, потребник, пролог, канонник и книжицу для молебных пений, а других книг печатать не позволять»¹⁴.

3) «Если дозволено будет единоверцам печатать, чего они весьма желают, учебные книги: азбуки, часословы и псалтири, печатаемые также с благословения Патриархов, то нужно ограничить число издания их, дабы духовным типографиям не сделать тем подрыва»¹⁵. Реально это правило не являлось

Император Александр I

препятствием. Во-первых, на все запросы о разрешении на печатание того или иного тиража типография всегда получала одобрение, а, во-вторых, издания единоверческой типографии приобретали те люди, которые практически не пользовались книгами Синодальной типографии, поскольку первая печатала с дореформенных, а вторая — с пореформенных образцов.

4) «О напечатании каждой книги прихожан Единоверческой церкви, должны чрез содержателя типографии и старосту церковного, за подписанием духовных смотрителей, просить наперед Святейший Синод, изъясняя с какого именно подлинника желают произвести вновь тиснение и сколько нужно экземпляров и оригиналы сии должны быть рассмотрены духовными надзирателями, не из числа ли они запрещенных или искаженных в текстах?»¹⁶. Это правило было порождено тем обстоятельством, что старообрядческие типографии, в частности клинцовская типография Карташева печатала

богослужебную литературу, внося в нее не согласованные правки.

5) «Все потребные для священнослужения книги печатать во всем сходно с старопечатными несумлительными книгами, без всякой перемены слов, строчных, препинаний, знаков ударения, титл и формата, а как в некоторых старопечатных книгах есть типографские и маловажные ошибки и неисправности, то необходимо нужно поправить их, но поправки таковых погрешностей и наипаче в рассуждении перевода и смысла, не вносить в текст и ставить на поле листа, на что охотно согласны единоверцы. При сем приложить и реестр, как следует поправить погрешности»¹⁷. Можно обратить внимание, что в самом правиле отмечено единодушие священноначалия и единоверцев Троице-Введенского прихода.

6) «Выходный лист печатать сходно с печатаемыми в духовной типографии, то есть: означать в нем, что книга печатана с Высочайшего повеления и благословения Святейшего Синода, в таком-то граде, такого-то года, с такого-то оригинала, в таком-то году и при таком-то Патриархе печатанного»¹⁸. Благодаря этому правилу стало возможным точное библиографическое описание книг Единоверческой типографии без обращения к косвенным признакам, в частности, шрифту, бумаге, как это до сих пор приходится делать исследователям с изданиями подпольных старообрядческих типографий.

7) «Прихожане Единоверческой церкви всех людей, нужных к производству книгопечатания, должны нанимать и содержать от себя, в том числе считаются и корректоры, коих должность далее того простираться не может, как только, чтоб исправлять наборщиков ошибки на первых образцовых листах, ничего от себя против подлинника не переменяя. Корректоры сии могут быть Единоверческой церкви священники, из коих один кончил Богословский курс, а другой из Риторика, и оба состояния хорошего и должность сию принять на себя согласны; но как нельзя предполагать, чтоб

они были искусны в держании корректуры, а ошибки типографские в церковных книгах влекут за собою важные следствия, то для большей исправности в печатании, отсылать последний лист к одному из корректоров Московской Синодальной типографии, и без подписи его и утверждения по крайней мере одного из надзирателей ничего набело не печатать. За таковые труды корректорам, священникам положить в год жалования от 600 до 700, а типографскому корректору от 750 до 850 рублей. И сверх того по экземпляру каждому из них напечатанной книги, а также надзирателям и в библиотеку типографскую и епархиальному начальству»¹⁹. Данное правило стало основой того, что практически все издания Единоверческой типографии были безупречны в исполнении типографского набора, отчего завоевали высокое доверие не только единоверцев, но и многих старообрядцев. Старообрядцы после приобретения таких книг обычно вырезали выходные данные, но с охотой продолжали ими пользоваться.

8) «Надзирателями над типографией определить двух из духовных лиц, из коих первым быть Андроньевскому архимандриту Гермогену, поблизости монастыря его к Единоверческой церкви протопресвитеру оныя Иоанну, кои оба в сей должности, по их просвещению и честности, способны и благонадежны, а последний и по хорошему знанию греческого языка и старопечатных подлинных книг. Должность же их сверх свидетельства подлинников подписом своим последнего листа корректуры, должна состоять еще в следующем: а) смотреть, чтобы печатания, кроме назначенных Святейшим Синодом книг, ни с каких других не было, и число экземпляров не простиралось далее дозволенного количества, а для сего и посещать им по очереди, по крайней мере в неделю один раз, но и кроме череды каждый из них может посещать ее во всякое время, в которое бы не заблагорассудил, и никто ему препятствовать в том не должен; в) если надзиратель приметит, что печатание производится несообразно с утвержден-

Обер-прокурор Святейшего Синода князь А. Н. Голицын

ным от него листом, а с некоторыми выпусками или прибавлениями, или более определенного количества печатается, то доносить о сем епархиальному начальству, которое посредством светского правительства немедленно отбирает таковые листы и отсылает оные в Московскую Синодальную типографию для хранения, а типографского содержателя предает суждению по законам, коих подвергаются торгующие запрещенными товарами, на место же сего должны избирать прихожане другого с вышепрописанным за него поручительством, о чем в сем долг имеет оно донести Святейшему Синоду на рассмотрение; с) гравированные изображения святых или вообще всяких лиц, при печатании книг употребляемые, печатать не допускать, дотоле, доколе оригинал не будет одобрен Святейшим Синодом; д) наблюдать, чтоб в книжной лавке, которая должна быть при Единоверческой церкви, других книг, кроме напечатанных при оной, не было

продаваемо; продавать же всегда в переплете, а не в листах»²⁰.

Следующие два пункта регулируют прием и увольнение на работу духовных надзирателей и корректоров, а также их жалование.

9) «Епархиальное начальство духовных надзирателей и корректоров при Единоверческой типографии может, по прошениям их, увольнять; за нерадение же о должности, по жалобам старосты с прихожанами, если они, по исследовании дела окажутся виновными, отрешать и с согласия прихожан определять на их места других, а за важнейшие вины предавать суду, о чем и донести Святейшему Синоду; в случае же неисправности типографского корректора должны прихожане жаловаться на него где следует по команде.

10) Прихожане Единоверческой церкви должны производить каждому духовному надзирателю 1200 рублей ежегодно жалования, выдавая оное им по прошествии каждой трети года»²¹.

11) «Поелику печатание церковных книг издревле присвоено одним духовным типографиям, посему, чтоб они от открытия новой, зависящей от них, типографии не понесли важного убытка, нужным признается, чтоб из денег, получаемых при Единоверческой церкви, от продажи богослужебных книг пятая часть от каждого рубля, а от учебных третья часть, посылаема была по прошествии каждой трети года, чрез духовных надзирателей, в Московскую духовную типографию; что касается до назначения цены книгам, то Ваше Преосвященство признаете за полезное предоставить сие старосте церковному с тремя лучшими из прихожан и за подписанием духовных надзирателей, однако ж означать оною при конце каждой книги»²². В окончательный вариант Указа об открытии и правилах деятельности Московской единоверческой типографии это условие об денежных отчислениях Единоверческой типографии не вошло.

12 января 1820 года Святейший Синод на основании высказанных предложений утвердил правила из одиннадцати пунктов

для Московской единоверческой типографии. Приведем их полностью: «На основании именного Высочайшего повеления, последовавшего об учреждении в Москве типографии, для издания богослужебных книг, сходных со старопечатными, учинить следующее: 1) означенную типографию, так как имеющую все потребное к печатанию в готовности, — открыть, которой и состоять на иждивении и ответственности прихожан тамошней Единоверческой церкви, позволяя им для внутреннего действия по типографии избрать из себя двух или трех человек в виде попечителей; 2) при типографии сей быть двум надзирателям из духовных особ, которые избираются епархиальным Преосвященным, а утверждаются Святейшим Синодом; 3) прихожане Единоверческой церкви, или сами, или чрез попечителей, каждый раз представляют епархиальному Преосвященному оригинал той богослужебной книги, которую намерены напечатать с показанием предполагаемого количества к изданию экземпляров оной. Преосвященный поручает сей оригинал духовным надзирателям для проверки, или сличения с таковыми же, хранящимися в библиотеках: Синодальной или типографской, а по таковой проверке или сличении того оригинала и представлением оного за своим подписанием Преосвященному возвращается от него прихожанам и попечителям, для напечатания с оного; 4) по наборе с сего оригинала и совершенном исправлении корректурой каждого листа вносится таковой к одному из духовных надзирателей, который по надлежащей проверке оного с тем оригиналом, подписывает и отдает к печатанию; 5) При всякой таковой отпечатанной книге припечатывается так называемый выходной лист сходно с печатаемыми в духовных типографиях, впереди заглавного прежнего листа той книги, но после слов: «напечатана сия книга (NN) в царствующем великом граде Москве, дополнять: в Типографии Единоверческой церкви, в лето от сотворения мира (такое-то), от Рождества же по плоти Бога-Слова (такое-то) и индикта (N), месяца (N) с книги, напеча-

танной (тогда-то, в таком-то городе, при таком-то Патриархе (имя-рек)», и сей выходной лист имеет быть одной с напечатанною книгой бумаги и одного на ней в штемпеле года. По отпечатании каждой книги, когда духовные надзиратели удостоверят, что она во всем сходна с тем, рассмотренным оригиналом и с которой печаталась, то для будущего издания оставлять один экземпляр за их скрепою, шнуром и печатью в типографии и три экземпляра, кроме того, предоставлять чрез них же, надзирателей, к Вашему Преосвященству, а Вы из них один в Святейший Синод, а другой в Московскую оного контуру, для хранения в Патриаршей библиотеке, а последний оставлять для себя, и сверх того отсылать прямо из типографии по общевведенному порядку в библиотеки: Публичную и Академии наук, а потом уже таковые книги поступают в продажу. 7) Не возбраняется прихожанам Единоверческой церкви иметь для сей продажи при оной лавку. 8) Назначение цены книгам для продажи и распоряжение суммою, какая от сего будет получаемая, предоставляется непосредственно заведыванию самих прихожан яко содержателей типографии; они же по собственному усмотрению назначают всем по типографии людям жалованье, но каковое будет положено духовным надзирателям, о том Вы имеете донести Святейшему Синоду. 9) Прихожане Единоверческой церкви яко содержатели помянутой типографии о всем, что касаться будет по действию, сверх испрашивания дозволения на напечатание книг, входят с прошениями к Вашему Преосвященству, а Вы представляете Святейшему Синоду с мнениями. 10) Они же, прихожане и попечители, избранные ими о звании и количестве напечатанных и печатающихся в той типографии книг, представляют по полугоду Вам ведомость, а Вы доносите о том Святейшему Синоду. 11) Хотя нельзя предполагать, что с учреждением показанной типографии и с Всемилодивейшим дозволением на издание богослужебных книг, сходных с старопечатными, могло открыться какое-либо злоупотребление в издании там книг

Митрополит Серафим (Глаголевский).
В 1819–1821 годы митрополит Московский
и Коломенский

непозволенных; однако, ежели бы, паче чаяния, встретилось сие, то отвечают за оное избранные от прихожан попечители и предаются суду по законам, за чем иметь наблюдение и духовным надзирателям»²³.

Долгая история попыток единоверцев завести собственное книгопечатное дело, растянувшая более чем на два десятилетия, окончательно завершилась с выходом утвержденного Императором Указа Святейшего Синода № 28142 «О учреждении в Москве Типографии для печатания Богослужебных книг, сходных с старопечатными». Текст Указа говорил следующее: «Святейший Правительствующий Синод слушали рапорт Синодального Члена, Преосвященного Серафима, Митрополита Московского, что вследствие Указа из Святейшего Синода от 11 октября 1818 года Высочайшее повеление, которым дозволено, вместо уничтоженных Старообрядческих Типографий, учредить оную в Москве,

на отчете прихожан тамошней единоверческой церкви, объявлено им, и они с общего согласия, устройство дозволяемой Типографии для печатания Богослужбных книг, сходных с старопечатными, на свой отчет охотно принимают, для чего при той церкви, дом удобный к помещению всего принадлежащего к Типографии имеется, все потребные к печатанию вещи и материалы в готовности, и даже знающие мастерство сие люди приисканы, между прочего Приказали: первое, на основании Именного Высочайшего повеления, означенную Типографию в Москве, для издания Богослужбных книг, сходных с старопечатными, открыть,

которой и состоять на иждивении и ответственности прихожан тамошней единоверческой Церкви с надлежащими о действии ее правилами. Второе, при всякой в сей Типографии отпечатанной книге, припечатывать так называемый выходной лист, сходно с печатаемыми в Духовных Типографиях <...> и сей выходной лист имеет быть одной с печатанной книгою бумаги, и одного на ней в штемпеле года»²⁴.

12 февраля 1820 года — дату выхода этого Указа можно считать днем основания Московской единоверческой типографии, открытой при Троице-Введенской единоверческой церкви.

Продолжение следует

По материалам дипломной работы А. Ю. Лобаня

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 3. Д. 265. Л. 10 – 10 об.

2. *Лысогорский Н.В.* Московский митрополит Платон Левшин как противораскольничий деятель. Ростов-на-Дону: электропечатня А.И. Тер-Абрамиан, 1905. С. 419.

3. Интересно, что именно в этом храме в правление царя Иоанна Грозного десять лет прослужил первопечатник диакон Иоанн Федоров.

4. *Лысогорский Н.В.* Ук. соч. С. 421.

5. ЦГА Москвы. Клировая ведомость Московской Троицкой единоверческой, что у Салтыкова моста, церкви за 1911 год. Л. 2.

6. *Лысогорский Н.В.* Ук. соч. С. 10–11.

7. ЦГА Москвы. Ф. 1181. Оп. 1. Д. 70. Л. 6.

8. ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 3. Д. 265. Л. 10–10 об.

9. *Мельников-Печерский П.И.* Записка о старообрядческих типографиях в Клинцах, Махновке, Янове, Майдане-Почапинецком // *Он же.* Полное собрание сочинений. Изд. 2-е. Т. 7. СПб.: Издание Т-ва А. Ф. Маркс, 1909. С. 187.

10. ЦГА Москвы. Ф.1181. Оп. 1. Д. 70. Л. 6 об.

11. *Мельников-Печерский П.И.* Ук. соч. С. 192.

12. ЦГА Москвы. Ф. 1181. Оп. 1. Д. 70. Л. 1.

13. Там же.

14. Там же. Л. 1–1 об.

15. Там же. Л. 1 об.

16. Там же.

17. Там же.

18. Там же.

19. Там же. Л. 1 об–2.

20. Там же. Л. 2–2 об.

21. Там же. Л. 2 об.

22. Там же.

23. Там же. Л. 2 об–3 об.

24. Полное Собрание Законов Российской Империи. Собрание (1649–1825). Т. XXXVII. С. 49. Электронный ресурс: http://nlr.ru/e-res/law_r/search.php

ЛИЦА ЕДИНОВЕРИЯ

ДВОРЫ И КАМНИ.

ЧАСТЬ II

Из истории Единоверия и усилий по преодолению церковного раскола в XIX веке

ПОСВЯЩАЕТСЯ 125-ЛЕТИЮ ПАМЯТИ
СВЯЩЕННОАРХИМАНДРИТА ПАВЛА ПРУССКОГО

Продолжение, начало в № 2 2020 (91)

Можно как угодно относиться к «антираскольническим» мерам Николая Первого (так, очевидно не было положительным обстоятельством запечатывание храмов на Рогожском кладбище в 1854 году), но меры эти были направлены все-таки не на навязывание собственно пореформенного обряда, а именно на перевод старообрядцев в единоверие, да, часто под нажимом и не вполне тактично. Но, так или иначе, позиции единоверия были укреплены. Оно было введено в 1828 и 1836 годах на Иргизе, в 1849 году на Керженце, в 1847–1848 годах в Стародубье. К 1851 году насчитывалось 179 единоверческих церквей. К сожалению, бывали неискренние присоединения. Так, в последние дни 1854 года, когда в Москве, при действии закона о торговле раскольников только на временном праве, наступил последний срок внесения капиталов на новый год, купцы-старообрядцы почти все переписались в единоверие. Были учреждены единоверческие монастыри: мужской Воскресенский в Оренбургской епархии (1849), женский на Всехсвятском кладбище в Москве (1862). Покровский Черниговский монастырь был в 1848 году возведен в число штатных обителей первого класса с содержанием от казны. Число «записных» единоверцев к середине XIX века увеличилось в несколько раз.

Опять-таки, можно по-разному относиться к «николаевским мерам», но само по

себе древнее благочестие и русский церковный чин — если они не были связаны с расколом — эти меры, так сказать, «реабилитировали». Двуперстие перестало быть зазираемым. По-старому теперь молились люди разных сословий, не только крестьяне и купечество, но и дворяне.

Никольский единоверческий монастырь был открыт уже в следующее царствование — по Высочайшему соизволению Императора Александра Второго и по представлению митрополита Филарета после перехода из Белокриницкого согласия в единоверие значительной части «австрийского» духовенства: Ануфрия, епископа Браиловского, наместника Белокриницкой митрополии, Пафнутия, епископа Коломенского, Иоасафа, священноинока Белокриницкого монастыря, Филарета, архидиакона Белокриницкого митрополита Кирила и священнодиакона Мелхиседека. Вскоре их примеру последовали Сергей, епископ Тульский и Кирил, протодиакон Московского архиепископа Антония, а затем Иустин, епископ Тульчинский, архимандрит Викентий, священноинок Козьма и Феодосий, священнодиакон Тобольского епископа Савватия.

Монастырь был открыт на бывшем мужском отделении беспоповского Преображенского богаделенного дома, где уже с 1854 года существовала приходская

Никольский единоверческий мужской монастырь с западной стороны. Конец XIX – начало XX века

Никольская единоверческая церковь, которая была поставлена по повелению Императора Николая Первого на месте бывшей Успенской моленной на мужском дворе. С открытием монастыря ее причт не был упразднен и служил совместно с монастырским. Среди монастыря стоял Успенский храм, в нем было два престола: Успения Богородицы, освященный в 1857 году и святителя Николы, освященный в 1854 году. Освящение храмов последовало по Высочайшей воле вследствие присоединения к единоверию главных беспоповских прихожан Преображенского дома: Гучковых, Носовых, Гусаровых, Бавыкиных, Осиповых и других. На свои средства они устроили алтарные пристройки. Позже была сооружена отдельно стоящая колокольня, построенная в 1876–1879 годах на средства Алексея Ивановича Хлудова (1818–1882), известного предпринимателя, собирателя старопечатных книг и Ивана Васильевича Носова. Монастырь был славен своими иконами — все только дореформенного письма — XIV–XVII веков, включая иконы письма преподобного Андрея Рублева. Среди монастырских икон была особо чтимая древняя икона святого Иоанна Предтечи, кото-

рая участвовала в общемосковских крестных ходах вместе с другими святынями.

Монастырь был закрыт в начале 1920-х годов. Библиотека Хлудова передана в Государственный исторический музей (ГИМ), а в 1923 году туда поступил и весь архив с остатками рукописей монастыря и иконы. Такая же судьба была у собрания Егора Егоровича Егорова, подаренного им в начале XX века Преображенскому богаделенному дому. Успенская (Никольская) церковь принадлежала впоследствии обновленцам, которые продали половину ее старообрядцам новопоморского согласия; ныне она поделена пополам между старообрядцами и приходом Русской Православной Церкви¹.

Простым иноком в Единоверии Павел Прусский пробыл недолго — 15 декабря 1868 года он был рукоположен в священноиноки и поставлен настоятелем Никольского единоверческого монастыря.

«Без преувеличения можно сказать, что он стал одним из самых известных миссионеров Российской Церкви, — пишет в журнале "Благодатный огонь" диакон Борис Зыкунов, —

маршрут передвижения миссионера характеризует его последовательность и трудоспособность»². Конечно, среда так называемых миссионеров была весьма неоднородной. Причем сколько бы Государи (даже и сам Петр Великий, и тем более Екатерина II, Александры — Первый и Второй, и особенно Император Павел) не старались «смягчить» ситуацию, миссионеры часто действовали в духе неприятия не только раскола (что справедливо), но и самого древнерусского благочестия и образа молитвы. В этой среде оказался и отец Павел, и она оказала на него свое влияние. Это было связано и с беспоповским его происхождением: он так радовался вхождению в Церковь и обретению таинств, что на многое готов был закрывать глаза.

Прежде всего это проявилось в вопросе о снятии клятв Собора 1666–1667 годов. В 1864 году группой единоверцев во главе с петербургским священником Иоанном Верховским (1818–1891) были поданы два прошения — одно на Высочайшее Имя, другое — Московскому митрополиту Филарету. Вот как излагает суть этих прошений священномученик Симон (Шлеев), единоверческий епископ Охтенский в книге «Единоверие в своем внутреннем развитии»: «На Московском Соборе 1667 года, — писали единоверцы, — на держащихся старых обрядов и обычаев церковных, существовавших в России и бывших в действии до патриарха Никона, в вечное утверждение и присное воспоминание якобы от лица святой Восточной и Апостольской Церкви наложено проклятие. <...> По разуму Московского Собора ясно видно, что проклятие положено не за противление Апостольской Вселенской Церкви, которой старообрядцы никогда не противились, но за непокорение в деле принятия исправленных обрядов. Эти обряды (то есть исправленные. — Прим. редактора), мы, — говорят единоверцы про себя, — никогда не исполняли, да и по настоящее время не исполняем, из сего следует, что, как непокоряющиеся Собору, должны подпасть под это же проклятие. <...> Признав себя и своих священников состоящими под клятвой Собора 1667 года, единоверцы просят освободить их от клятв, разрешить от них чрез сношение Синода

с восточными патриархами. Заключительные слова прошения следующие: "Этот путь, сношение с патриархами, — писали единоверцы, — царский. Мы этим путем, с помощью Бога, достигнем мира, любви и единения, что должно служить торжеством православной Церкви, силой Государства и ограждением престола Царей наших"»³.

Отец Павел и братия Никольского монастыря к прошению не присоединились, хотя и не выражали публичного несогласия. Более того, в миссионерском журнале «Братское Слово», в многочисленных статьях он вместе с другими миссионерами продолжал доказывать не только якобы отсутствие необходимости снятия клятв, но и правомерность клятв... Мнение отца Павла Прусского совпадало с мнением большинства, но расходилось с позицией представителя государственной власти Государственного контролера Третья Ивановича Филиппова (1825–1899), высказанной в его чтениях «О нуждах Единоверия» в Санкт-Петербургском обществе любителей духовного просвещения. Третий Иванович проводил — и совершенно справедливо — мысль о том, что клятвы 1666–1667 годов положены на всех держащихся старого обряда, в том числе и единоверцев (так сказать, объективно, по самому смыслу решений Собора): «Г. Филиппов находил, что разрешение употреблять дониконовский обряд в Единоверии не согласно с точным смыслом соборного определения (1667 г.) и с прежними пофизаниями его (обряд), что частное ограничение прав единоверцев, изложенное в правилах Единоверия, особенно в параграфе 11, ставит единоверцев в такое положение, которому в Православной Церкви нет никакого подобия»⁴.

Несмотря на то, что на чтениях присутствовал Великий князь Константин Николаевич и ряд других высокопоставленных лиц, и они одобряли положения Филиппова, епископат отнесся к ним иначе, равно как и часть профессоров Санкт-Петербургской духовной академии — И.Ф. Нильский, И.В. Чельцов и другие. В частности, Нильский считал, что по существу дела, разрешение от клятв для раскольников невозможно, а для единоверцев не нужно.

Никольский единоверческий монастырь

Это, в общем-то, была уловка: формально признавая одинаковое Православие единоверия и Греко-Российской Церкви, фактически единоверцы оказывались «недоправославными» (что подтверждалось и общим употреблением слов «единовение» и «православие» — в применении только к «греко-российским»). Отец Павел Прусский в целом разделял мнение Нильского и Чельцова и как миссионер действовал соответствующим образом. Это и позволило родиться такому выражению, как «прусское единоверие», которое, к сожалению, распространилось не только среди старообрядцев, пребывавших вне Церкви, но и среди части единоверцев.

При этом никоим образом нельзя считать, что в позиции отца Павла было что-то неискренне, лукавое, что он искал некоей карьеры или вообще чего-либо подобного. Это действительно был человек не от мира сего, христианин в подлинном, прямом смысле этого слова, «един от древних». «Не получивший никакого систематического образования, — писал диакон Борис Зыкунов, — он рано пленился суровым аскетизмом, который проповедовали федосеевцы и о котором он так много слышал от своих родственников. Отец Павел еще молодым впечатлительным юношей разорвал всякие связи

с миром, "ради угождения Богу и спасения души". Вера в Бога и жажда спасения настолько сильно владели его душой, что, кажется, подчиняли себе все ее желания, мысли, хотения: уединенная иноческая жизнь, всестороннее знакомство с раскольническими старообрядческими учениями, беседы и споры с беспоповскими наставниками, постническое воздержание, трогательные по своей простоте молитвы к Богу, — все служило средством к отысканию истины, к уразумению того пути, который ведет ко спасению. И просто, искренне, сердечно стремясь к своей цели, отец Павел верил, что непреложные обетования Божии заключены в Священном Писании и поэтому беспристрастно "испытывая" писания, проверял свои убеждения святоотеческими толкованиями. Уже 25 лет спустя после своего присоединения к Православной Церкви, отвечая на приветственную речь преосвященного Александра, отец Павел, между прочим, говорил: "Если кто из отделяющихся от Святой Церкви пожелает познать истину и будет беспристрастно искать ее в Священном Писании, т.е. не предпочитая ничего из земных самой истине, а притом еще, главное, если будет просить Бога, чтобы вразумил его в познании истины, по слову пророка: "скажи ми, Господи, путь, воньже пойду", а не будет надеяться на один свой разум, таковой, несомненно, обрящет истину <...>. Это меня и привело к тому, что обвинения, возводимые старообрядцами на Святую Церковь, когда я рассмотрел их беспристрастно, малопомалу, одни за другими, стали исчезать, также и оправдания старообрядческого положения без священства и таинств стали оказываться неосновательными. Итак, мне уже не на чем было стоять; все старообрядческое, на чем я утверждался в отделении от Церкви, рушилось, и я необходимым нашел присоединиться ко Святой Церкви"»⁵.

Правильное в целом, такое отношение имело и изъян. Не могут рушиться древность и истинность самого старого обряда, принятого ранее и у греков. Беспоповское прошлое отнесло отца Павла в другую крайность, хотя сам он лично древнерусское богослужение любил, любил и единоверие, не соглашался с теми миссионерами, кото-

Съезд миссионеров в Москве. 1887 год

рые навязывали приходящим в Церковь измененный реформой обряд.

Отец Павел никогда не искал ничего для себя. Иноческий обет нестяжания был для него превыше всего. «С заботой и грустью смотрю я на будущее Никольского монастыря, — писал однажды Н.И. Субботин к Обер-Прокурору Святейшего Синода К.П. Победоносцеву. — Думается, что он больше всякого из московских монастырей приносит пользы Святой Церкви, — и в каком положении! Видим, как отцы архимандриты разъезжают в каретах, пышно одеты, сытно питанные, а настоятель Никольского монастыря ездит по Москве в розвальнях, чуть не в рубище, питаясь скуднее своей братии. Лучшего он и не ищет. Скажу больше: в его убожестве еще более видится его нравственная мощь, и ею то держится монастырь».

В другой раз Н.И. Субботин писал к Победоносцеву: «С свойственным ему бескорыстием истинного, и столь редкого в наше время бесребренника, предоставив сначала Братству, потом Святейшему Синоду издание своих сочинений, от которых нажил бы тысячи, отец Павел не имеет возможности дать своим близким экземпляра своей книги в последнем Синодском издании: не найдете ли возможными, ваше высокопревосходительство, приказать, чтобы ему предоставили в собственность хотя экземпляров пять?»

Дерзну и еще сказать слово, может быть, лишнее с моей стороны: если бы Святейший Синод преподал отцу Павлу благословение за его дар и за его труды, старцу, как истинному сыну Церкви, это было бы утешением».

Вообще, наверное, в том, что делал Павел Прусский для Единоверия, можно выделить, так сказать, теоретико-миссионерскую сторону его «трудов и дней» и чисто практическую, многотрудную и подвижническую. Вот пример его участия в утверждении единоверия в Гуслицах, почти в свое время исключительно старообрядческой местности на востоке современной Московской области, прежде входившей в Богородский уезд Московской губернии, а сегодня южной половины Орехово-Зуевского района с сопредельными землями Павлово-Посадского, Раменского и Егорьевского районов. Об этом рассказано в небольшой книжке, изданной местным издательством (С.С. Михайлов «Единоверческие храмы в Гуслицах». Куровское, 2001).

К Гуслицам прежде и сейчас часто относят и соседние местности, также населенные старообрядцами, поэтому точно установить их границы довольно сложно. Впервые они встречаются в духовной грамоте князя Ивана Калиты и известны позднее как волость

Единоверческий храм в селе Авсюнино

с центром в селе Гуслицы (ныне Ильинский погост) на одноименной реке. До середины XVII столетия эта местность, изобиловавшая неудобными для земледелия песчаными и болотистыми почвами, была малонаселенной. Небольшие поселения имелись преимущественно по Касимовскому тракту. После реформ Патриарха Никона сюда, в леса, бежало много приверженцев старин. Благодаря им число гуслицких селений в течение короткого времени достигло более пяти с половиной десятков. Благодаря старообрядцам край постепенно стал процветать и экономически: многие из них заводили свои ткацкие заводы, впоследствии выраставшие в крупные предприятия. В результате край разбогател. Он был поголовно грамотен, в каждой деревне существовали школы, в которых местные старообрядческие келейницы обучали детей. Были развиты иконописание, медное литье, переписывание старых дониконовских книг. После Высочайшего утверждения правил о Единоверии в 1800 году некоторые из гусятков воссоединяются на этих правилах с Греко-Российской Церковью.

В Центральном государственном архиве Москвы сохранилось дело об обращении в 1830-х годах к московским губернским властям крестьян экономической Запоторской волости деревни Короткой Семена Трофимова, деревни Осташковой Дмитрия Афанасьева и удельной деревни Молоковой Бориса Михайлова, а также других гусят-

ких старообрядцев, с просьбой о дозволении им иметь священника «по примеру Единоверческой церкви»⁶.

Для укрепления позиций единоверия Московский митрополит Филарет в 1857 году предложил учредить Богородское викариатство Московской епархии с поручением Богородскому епископу единоверческих церквей Московской и ближайших епархий. Викариатство тогда не было создано. Вместо этого в 1859 году в Гуслицах был на месте существовавшего с XV века Преображенского погоста, что в Мошеве, построен Гуслицкий Преображенский миссионерский монастырь, игуменом которого поставили бывшего белокриницкого инока, а теперь иеромонаха (затем игумена) Парфения (Агеева). Монастырь был не единоверческим, перед ним была поставлена задача прямо приводить старообрядцев в общеправославие. Проведя несколько лет на Афоне, иеромонах Парфений древнерусский церковный чин не любил, тем отталкивая от «миссии» гусятков, даже и готовых к воссоединению с Греко-Российской Церковью на правах единоверия. В 1872 году ввиду явного неуспеха «миссии», Парфений был удален, и настоятелем был назначен архимандрит Иероним, относившийся к единоверию канонически и сам готовый служить «по-старому». Отец Иероним привез с собой отца Павла Прусского, который прежде порицал Парфения за его отношение к древнерусскому чину.

В 1873 году, 30 ноября по старому стилю, отец Иероним вместе с отцом Павлом посетили деревню Авсюнино Рудневского прихода для беседы со старообрядцами... Там они познакомились с мальковским крестьянином Андреем Степановым, происходившим из белокриницкого *окружного согласия*, который считался усердным прихожанином, пел на клиросе мальковской моленной и стал ее уставщиком. В 1872 году он прочитал книгу «Восемь вопросов, поданных в Московский Духовный Совет бывшими членами Белокриницкой иерархии» и познакомил с нею односельчан, часть которых согласилась с доводами о необходимости воссоединения

с Греко-Российской Церковью, хотя большинство все же эти доводы отвергло.

В декабре 1873 года отец Иероним и отец Павел приехали в Мальково. Там и состоялось знакомство, Степанов принял их к себе в дом и пригласил на беседу односельчан. Беседа затем продолжилась в доме местного старообрядца-беспоповца Артема Андреева. Доводы Павла Прусского сильно подействовали на Андреева и некоторых его односельчан. В начале 1874 года Андрей Степанов и еще двое мальковцев — Лазарь Иванов и Сава Давыдов — решили присоединиться к Церкви на правах единоверия. Чин присоединения совершил сам отец Павел Прусский в Никольском единоверческом монастыре в Москве. В 1876 году к единоверию присоединилась жена Андрея Степанова и остальные члены его семейства, числом до десяти человек. Несмотря на возникшую враждебность части односельчан, Степанов и еще двое мальковцев начали проповедь единоверия на ежесубботнем базаре в селе Рудня. В 1883 году к единоверию присоединились брат Андрея Григорий Степанов, а также крестьяне Малькова Иван Савельев, Евтей Иванов, Макар Лукьянов, Федор Устинов, Матвей Ульянов и Емельян Савельев со своими семьями. Для совершения чина присоединения ездили в Москву в Никольский единоверческий монастырь. В деревне было уже достаточно единоверцев для открытия прихода, и в 1884 году мальковцы обратились к священнику рудневского прихода отцу Матфею Преображенскому с просьбой отслужить в их деревне общественный моле-

бен по единоверческому чину. Отец Матфей обратился за разрешением в Московскую Духовную Консисторию, откуда был получен следующий ответ о том, что пока не имеется единоверческого священника и храма, «*обряды совершать по православной церкви*». Мальковцы начали подготовку к устройству храма. В 1888 году на добровольные средства под покровительством отца Павла, игумена Иеронима и казначея Никольского единоверческого монастыря священноигумена Филарета была построена общественная моленная, вскоре обращенная в церковь, освящение которой во имя Рождества Христова состоялось 18 декабря 1888 года игуменом Иеронимом в сослужении братии Никольского монастыря — священноинока Иоанна и священнодиакона Иоанна. В священники был избран Андрей Степанов, служивший в этом храме до своей смерти в 1916 году.

Увы, не все сложилось гладко. В 1889 году в ночь под Рождество Христово сгорела Христорождественская церковь в Малькове. Почему это произошло — был ли пожар рукотворным и сознательно «подогнанным» к этому дню, или действительно имело место некое Божие попущение — навсегда останется тайной. В 1895 году в Малькове была построена взамен сгоревшей и освящена 10 сентября по старому стилю новая каменная церковь во имя Рождества Христова с небольшой колокольней на столбах... В ней и служил всю оставшуюся жизнь отец Андрей Степанов.

Единоверие в Гуслицах с трудом, но пробивало себе дорогу. Это и сегодня один из центров единоверия в России.

Продолжение следует

В. И. Карпец

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Петр Паламарчук*. Сорок сороков: Краткая иллюстрированная история всех московских церквей: в 4 т. Т. 1. Кремль и монастыри.

2. <http://www.blagogon.ru/articles/301/>

3. *Епископ Симон (Шлеев)*. Единоверие в своем внутреннем развитии (в разъяснение его малорас-

пространности среди старообрядцев). М., 2004. С. 172–173.

4. Там же. С. 179.

5. <http://www.blagogon.ru/articles/301/>

6. ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 109. Д. 122. Л. 1–7.

ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНИЕ

ГЛАВЫ ИЗ КНИГИ О ЧУДОТВОРНОЙ ИКОНЕ БОЖИЕЙ МАТЕРИ ИЕРУСАЛИМСКОЙ

Продолжение, начало в № 1(2018) – 2–3 (2020) (77–90)

ПОЧИТАНИЕ ИЕРУСАЛИМСКОЙ ИКОНЫ БОГОМАТЕРИ ИЗ БРОННИЦ И ЕЕ СПИСКОВ В 1990–2000-е ГОДЫ И В НАШИ ДНИ

Протоиерей Александр Соловьев совершает богослужение в Малахове. Конец 2000-х годов

Протоиерей Петр Кабалин прослужил священником четырнадцать лет: он скончался летом 1967 года и был похоронен в Малахове, за алтарем. После его смерти настоятелем малаховской церкви стал молодой священник, незадолго до того закончивший семинарию — иерей Александр Соловьев. Он прослужил в Малахове более сорока лет и оставил о себе добрую память.

Протоиерей Александр Соловьев родился в 1939 году в Ивановской области. В юности

он решил стать священником. Его учеба в семинарии пришлась на пик хрущевской антирелигиозной кампании: рубеж 1950-х и 1960-х годов — непростое и беспокойное для верующих время. Александр Соловьев окончил семинарию в 1964 году и спустя два года, 2 октября 1966 года был рукоположен в священники архиепископом Калининским и Кашинским Иннокентием (Леоферовым). Первое время после рукоположения отец Александр служил в Петропавловской церкви

города Кашина (в советские годы Тверь была переименована в Калинин, и, соответственно, епархия тоже носила название Калининской), а осенью 1967 года был назначен в Малахово. Отец Александр вспоминал, что приехал в Малахово 30 сентября 1967 года — в день празднования мученицам Веры, Надежды и Любви и их матери Софии.

В 1960-е–1980-е годы малаховская церковь была одной из немногих действующих церквей Раменского района, поэтому в нее ходили не только жители Малахова и ближайших деревень, но и верующие из других мест, в том числе, верующие жители Раменского. Отец Александр рассказывал о визитах в Малахово разных представителей власти, стремившихся понять, не нарушается ли здесь законодательство о культах (так в советское время официально именовались законодательные нормы, регламентировавшие церковную жизнь). Помимо уполномоченного Совета по делам религий, за этим следили члены комиссий по контролю за соблюдением законодательства о религиозных культах. Однажды отец Александр рассказывал о визите в Малахово одного из таких советских чиновников — он обнаружил, что на исповеди была четырнадцатилетняя девушка, и попенял священнику, что он-де вовлекает несовершеннолетних в деятельность религиозных объединений — так это называлось в советскую эпоху. В те годы приходилось служить в столь непростых условиях и постоянно помнить о возможных претензиях со стороны властей. Ныне становятся доступны и некоторые архивные свидетельства о таких визитах. Например, в 1986 году на Пасху Раменский горком КПСС организовал несколько групп партийных работников: они должны были отправиться на ночные богослужения в разные церкви Раменского района и отчитаться перед отделом пропаганды и агитации горкома партии обо всем увиденном во время службы. В Малахово была отправлена группа, состоящая из пяти человек во главе с заместителем председателя исполкома — В.А. Чебышевым¹.

*Димитриевская церковь в селе Малахове
Фото 2000 года*

Служа в Малахове, протоиерей Александр Соловьев с глубоким благоговением относился к Иерусалимской иконе Богоматери. В те дни, когда в Малахове совершалась литургия, отец Александр всегда служил и молебен с водосвятием перед Иерусалимской иконой. В дни праздников, посвященных Иерусалимской иконе — в день общецерковного празднования — 12/25 октября и в день местного празднования — в десятое воскресенье после Пасхи в Малахове всегда совершаются торжественные богослужения. А тех, кто заходил в храм во внебогослужбное время, приветливо встречала многолетняя староста малаховской церкви — Лидия Васильевна Артамонова (1931–2020). Лидия Васильевна рассказывала об иконе тем, кто впервые приехал в Малахово, предлагала им приложиться к иконе и пройти под ней. С большим почтением относилась к иконе и матушка Александра — пожилая монахиня, много лет прослужившая в Малахове алтарницей. Монахиня Александра ранее была

алтарницей в Елоховском соборе, но, как она рассказывала, патриарх Пимен однажды велел ей перейти в Малахово — он решил, что старой монахине лучше ездить не в Москву, а в ближайший приход — она жила в Клишеве (патриарх Пимен с 1963 по 1971 год был митрополитом Крутицким и Коломенским и, конечно, мог легко сориентироваться в приходах епархии). Монахиня Александра говорила, что сначала она была этим очень расстроена, но потом поняла, что в Малахове очень хорошо. К слову, благодаря монахине Александре стала известна народная этимология топонима «Клишева» — она рассказывала, что эта деревня изначально называлась «Ключевая», но французы не могли правильно произнести это название и говорили «Клишева». Конечно, эта народная этимология, как это обычно и бывает, не имеет никакого отношения к реальности (что, впрочем, не мешает ей быть довольно изящной), но она свидетельствует о сохранении исторической памяти: французы в окрестностях Бронниц появились осенью 1812 года, во время отступления наполеоновской армии. Известно, что многие крестьяне окрестных сел и деревень в то время стали партизанами — об этом свидетельствуют и архивные документы, и лубок, изображающий бронницкого крестьянина, сталкивающего в реку французского мародера. Память о французских солдатах, бродивших по Бронницкому уезду, сохранилась в народном объяснении происхождения названия «Клишева».

В 2000-х годах протоиерей Александр Соловьев сделал в малаховской церкви ремонт: в частности, изменился цвет наружных стен — церковь, до того темно-красная, стала белой. Был несколько изменен и интерьер храма.

Протоиерей Александр Соловьев прослужил в Малахове вплоть до 2010 года — летом того года он был вынужден уйти за штат по болезни. Настоятелем малаховской церкви стал протоиерей Андрей Подорванов, служащий в Малахове по сей день. Последние годы жизни отец Александр

провел в своем доме в Сергиевом Посаде, время от времени его навещали его прихожане из Малахова. Он скончался 19 января 2019 года, на Крещение. Похоронен под Сергиевым Посадом, на кладбище села Мишутина.

Распорядок богослужений в Малахове на протяжении многих лет остается неизменным. Как и во многих других сельских храмах, служба в Малахове совершается по воскресным и праздничным дням. В субботу служитя всенощное бдение, начинающееся здесь в два часа дня. Заканчивается оно около пяти часов вечера. Столь непривычное богослужебное расписание связано с тем, что и певчие, и многие прихожане приезжают в храм на автобусе из Раменского и на нем же должны уехать. Поскольку автобус ходит лишь несколько раз в сутки, на него приходится ориентироваться.

В воскресенье утром (до Литургии) совершается водосвятный молебен перед Иерусалимской иконой Богоматери. Затем читаются часы, после которых совершается Литургия. Перед началом богослужения «окошко» под иконой открывается, и люди спешат пройти под иконой. Это выглядит следующим образом: люди целуют икону, затем проползают в отверстие под ней, обходят ее слева (краем амвона) и вновь становятся в очередь к иконе, чтобы непременно пройти под ней три раза. Затем это отверстие закрывается, и открывается только после окончания богослужения, и тогда проход под иконой повторяется.

После Литургии перед иконой совершается молебен с акафистом Иерусалимской иконе Богоматери. Водосвятия во время него уже не бывает, но священник окропляет прихожан святой водой. После окончания молебна верующие снова подходят к иконе.

Так совершается почитание Иерусалимской иконы в обычные дни. Кроме них, существует еще два праздника, посвященных специально этой иконе: местный, в честь Бронницкого списка Иерусалимской, в десятое воскресенье после Пасхи, и общий — 25 октября (12 октября по юлианскому

календарю). В эти дни на службу иногда приезжает благочинный церковью Раменского округа (настоятель Троицкого собора города Раменского) или кто-либо еще из духовенства, знающего об этом приходе и почитании в нем Иерусалимской иконы.

25 октября 2002 года в Малахове совершалось архиерейское богослужение: в тот день сюда приезжал архиепископ Можайский Григорий. На праздничном богослужении всегда бывает значительно больше молящихся, чем на воскресном. В эти дни сюда приезжают поклониться иконе и люди не из числа постоянных прихожан храма.

Вплоть до конца 1990-х годов в Малахово на поклонение Иерусалимской иконе Богородицы приезжали лишь верующие, живущие в ближайших окрестностях, либо те, кто ранее бывал в Малахове и уже знал об иконе. Это объяснялось тем, что до рубежа 1990-х и 2000-х годов о нынешнем местонахождении Иерусалимской иконы Богородицы не было широко известно: издания 1990-х и первой половины 2000-х годов, посвященные церквям Московской области вообще и Раменского района (бывшего Бронницкого уезда) в частности, о ней умалчивали².

Продолжение следует

П. Г. Чистяков

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ЦГА Москвы. Ф. П-145. Оп. 55. Д. 87. Л. 47.

2. Никаких сведений о том, что Иерусалимская икона Богородицы из Бронниц ныне находится в Малахове не содержится ни в брошюре, посвященной памятникам архитектуры юго-востока Московской области (Калмовской А. А. Памятники архитектуры Подмосковья. Юго-восточное направление (рязанское). Фотопутеводитель. М., 2000), ни в брошюре о церквях Бронницкого уезда, составленной Ликино-Дулевым священником Олегом Пэнэжко (Бронницкий уезд: храмы Раменского района [Сост. Пэнэжко О., свящ. Ликино-Дулево, 2000], (следует отметить, что это первая работа, посвященная храмам Бронницкого уезда), ни даже в епархиальном издании: «Монастыри и храмы Московской епархии» (М., 1999), содержащем сведения о ряде подмосковных местных святынь. Заслуживает внимания тот факт, что здесь упоминаются два ее списка: находящийся в Ни-

Однако в последующие годы ситуация изменилась и в современной краеведческой литературе можно встретить немало упоминаний об Иерусалимской иконе Богородицы. О ней рассказывается во втором, значительно более расширенном издании книги протоиерея Олега Пэнэжко, посвященной храмам Бронницкого уезда³, в книге Леонида Романовича Вайнтрауба о бронницком Михаило-Архангельском соборе⁴, в изданной Московским епархиальным управлением книге о монастырях и храмах Московской епархии⁵ и в ряде других изданий. Кроме того, в наши дни об Иерусалимской иконе Богородицы можно узнать из электронных изданий, а те, кому доведется ехать по шоссе, ведущему из Раменского в Бронницы, непременно заметят у поворота на Малахово указатель, установленный несколько лет тому назад: он сообщает, что в храме села Малахова находится чудотворная Иерусалимская икона Богородицы. Благодаря этому круг тех, кто почитает Иерусалимскую икону Богородицы, существенно расширился: о ней узнают те, кто раньше о ней никогда не слышал. Многие, узнавшие об иконе, приезжают в Малахово поклониться ей.

кольской церкви села Мальшева (с. 351–352), и в единовременской церкви с. Михайловской Слободы (с. 447). Раменский краевед М. Г. Аверьянова в своей книге о Раменском районе (Аверьянова М. Г. Край Раменский. Очерки краеведа. М., 1995) только сообщает, что в 1930-е годы в Димитриевскую церковь с. Малахова «были переданы ценные иконы из закрывшейся церкви г. Бронниц» (с. 447), не уточняя, что речь идет об Иерусалимской иконе Богородицы.

3. Пэнэжко О., прот. Бронницкий уезд. Храмы Раменского района. Владимир, 2008.

4. Вайнтрауб Л. Р. Собор святого Архангела Михаила в Бронницах. М., 2005.

5. Монастыри и храмы Московской епархии. М., 2004.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТРАНИЦЫ

О. Н. КУЛИКОВСКАЯ-РОМАНОВА. БЛАГОРОДНЫЕ

В статье, посвященной памяти О. Н. Куликовской-Романовой, в прошлом номере «Правды Православия» упоминалось о будущих публикациях ее неизданных работ на страницах нашего издания. Воспоминания Ольги Николаевны были подготовлены ею в 2018 году и названы «Благородные» (Уроки жизни воспитанницы Мариинского Донского института благородных девиц). В настоящем номере мы помещаем предисловие автора и часть первой главы воспоминаний.

*Мы, как зная, несли наше русское имя,
И по-русски растили мы наших детей.*

*Нона Белавина,
Воспитанница Мариинского Донского института благородных девиц*

К ДОБРЫМ МОИМ ЧИТАТЕЛЯМ

Бабочки летают в моем сердце, когда слышу ласковое слово: «Душка!». Так обращались в годы моей далекой юности друг к другу воспитанницы Мариинского Донского института благородных девиц, приютившегося после революционной бури в гостеприимном сербском городке Белая Церковь. Так мы называем подруг и по сей день, когда изредка собираемся спустя десятилетия после выхода из стен института в большую жизнь. Им, моим милым «душкам», воспитанным в русском семейном духе, сохранившим его в «землях рассеяния», передавшим наши исконные традиции и обычаи детям и внукам, посвящаю мои воспоминания и размышления. Бог даст, наши трудные уроки выживания в чужеродной среде и сохранения в себе лучших качеств русского человека — благородства, верности, чести, милосердия, добросердечия — будут востребованы нынешними молодыми поколениями в России. К ним, в первую очередь, обращена моя книга. Не унывайте, боритесь с невзгодами, берегите родных и близких, любите свое Отечество, как делали и делаем это мы — воспитанницы русских женских институтов на чужбине.

Мои детские и девичьи воспоминания спустя годы и десятилетия предстают в новом свете. Скорее всего, они остаются в памяти именно потому, что нашли продолжение и какой-то отклик во взрослой жизни. Многие, что когда-то казалось важным, забывается. Другие же обстоятельства, события, встречи с людьми вдруг всплывают в памяти сердца и обретают важный смысл. Как прекрасно сказал большой русский поэт Константин Батюшков: «О, память сердца! Ты сильнее // Рассудка памяти печальной».

Мы, дети русских изгнанников, родившиеся на чужбине, впитали с молоком матери от наших родителей их неизбывное желание вернуться на Родину. Каждый Новый год за праздничным столом они произносили тост о том, чтобы эта заветная мечта сбылась, и всегда ставили пластинку с величественным песнопением «Коль славен...». Благодаря им в памяти наших сердец всегда жила Россия. И до сих пор на Новый год я ставлю «Коль славен...». А как мы ликовали в Генуе, когда узнали из итальянских газет, что первым человеком, покорившим космос, стал — русский!

Мои папа и мама не дождались того радостного дня, когда «новая» Россия открыла двери для «сущих в рассеянии». Мне же посчастливилось наяву увидеть осуществление их мечты. Начиная с первого приезда в 1991 году, моя жизнь неразрывно связана с Отчизной, с ее радостями и печальми. Оглядываясь на пережитое, ясно вижу, как Господь то сурово, то нежно выводил меня из путаницы зарубежного лабиринта на Русскую дорогу, «которая всегда за нас».

Поэтому в своем повествовании не стану придерживаться строгого хронологического порядка, а буду, вспоминая институтское прошлое, связывать его с годами взрослой жизни и нынешним временем.

Посвящаю весь труд мой моим любимым дочери Татьяне и внучке Александре, которые всегда в моем сердце и уме, несмотря на частые разлуки...

Ольга Николаевна Куликовская-Романова

ГЛАВА I

ВАЛЕВО — МАЛАЯ РОДИНА

Прежде чем начать рассказывать о Мариинском Донском институте благородных девиц, хочу поведать добрым моим читателям, как я оказалась в стенах этого славного учебного заведения, задолго до

моего туда поступления уже находящегося в Югославии, а не в России. Причина такого перемещения с Родины на чужбину, надеюсь, известна всем: революция 1917 года и гражданская война.

Начало пути. Родовые корни

Великая Княгиня Ольга Александровна

Все беженские дороги моих дорогих родителей вели в сербский городок Валево. И только одна для меня выходила оттуда — в Мариинский Донской институт благородных девиц, нашедший свое пристанище в Белой Церкви.

Моя Свекровь, Великая Княгиня Ольга Александровна, была последним ребенком в семье Императора Александра Третьего и Государыни Марии Федоровны. Как ребенок, появившийся на свет в Венценосной Семье правящего Императора, она почиталась «багрянородной» или «пурпурогенной». Этому обстоятельству в Правящих Домах Европы еще со времен Византийской Империи придавали особое значение. Воспитание и образование Великой Княжны Ольги было традиционным для членов европейских правящих Династий, соответствующим рангу и положению — придворным и домашним. Но именно Императрицы Дома Романовых заложили в России основы женского образования, сначала для дворянок, а затем и для девиц других сословий. Видимо, поэтому мое поступление в Мариинский Донской институт промыслительно

было предопределено Господом заранее. Ведь не случилось этого, вся моя жизнь пошла бы по иному пути.

Мне довелось родиться на революционном сломе эпох и государственного строя. Монархия насилием и обманом была свергнута, очаги прежней русской жизни переместились на чужбину, их хранители оказались в изгнании. Появление мое на свет произошло в семье, которую по-старому называли «благородной». Мой отец Николай Николаевич Пупынин — потомственный дворянин Тамбовской губернии. Наше родовое гнездо находилось в городе Лебедянь, ныне Липецкой области. Дважды мне довелось посетить родные места отца: сначала в 1999 году, проездом из имения Великой Княгини Ольги Александровны — Ольгино под Воронежем, что рядом с имением Рамонь, когда-то принадлежащем князьям Ольденбургским

(из этого рода происходил первый муж Великой Княгини). Второй раз — с дочерью Татьяной в сентябре 2011 года, уже более основательно.

Встретилась в Лебедянском краеведческом музее с далекими родственниками, общественностью, прессой. Побывала на улице Ситникова (Покровской), где до 1917 года возможно жил мой отец и другие члены семьи Пупыниных. В Государственном архиве Липецкой области его директор Валерий Борисович Поляков любезно предоставил мне выписку метрики о крещении отца и Алексея Дмитриевича Пупынина, одного из дядей. Помолилась о упокоении душ усопших и здравии живых родственников в Лебедянском Свято-Троицком женском монастыре, история которого (исходя из летописи) тесно связана с Домом Романовых, начиная с первого Царя Михаила Феодоровича.

Дедушка, бабушка и дочь их Нина — моя мама

Отец мамы, мой дед, Конрад Фортунатович Коперницкий, по древнему родовому преданию является дальним родственником польского астронома Николая Коперника, а именно — прямым потомком его родного брата. Дед был военным врачом и служил на Кавказе, в Дагестане. Его дочь Нина, моя мама, появилась на свет в селении Кунзах (ныне Гумбетовский район Республики Дагестан на границе с Чечней). Затем родился ее младший брат Октавий.

Учились они в тогдашней столице Дагестана Темир-Хан-Шуре — городе, ведущем свою историю еще с конца XIV века, со времен Тамерлана. Под его стенами была одержана памятная победа русского оружия над Шамилем в декабре 1843 года. Сегодня город носит название Буйнакска, и печально знаменит произошедшем в нем террористическим актом, унесшим десятки человеческих жизней.

Ко времени службы моего деда в тех местах в Темир-Хан-Шуре проживало около десяти тысяч человек разных национальностей и вероисповеданий, почти половина из них — православные. С той поры в нашем семейном архиве хранятся фотоснимки

моего деда со своим сыном Октавием, сделанные в Темир-Хан-Шуре в ателье Придворного фотографа И.Д. Абуладзе, удостоенного подарка Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича Николая. Это были карманные часы.

На рубеже XIX–XX веков в жизни семьи Коперницких произошли кардинальные изменения. Неожиданно от скарлатины в двенадцатилетнем возрасте умирает сын Октавий, обучавшийся в реальном училище в Темир-Хан-Шуре и живший в пансионе отдельно от родителей. Его смерть потрясла любящего отца, к тому же — врача. Он винил себя и жену в смерти Октавия.

Вскоре вышедший в отставку в генеральском чине статского советника Конрад Фортунатович перебирается в Новороссийск, где приобретает дом. А его жена, моя бабушка, Анна Васильевна, урожденная Волконская, вместе с дочерью Ниной, моей мамой, едет в Варшаву, чтобы та смогла продолжить учебу.

(В декабре 2011 года благодаря любезной помощи давней моей знакомой, московского врача Елены Григорьевны Русалкиной,

мне удалось побывать в Новороссийске и отыскать дом моего деда по его нынешнему адресу — улица Короленко, 6. Теперь этой улицы практически нет, даже таксисты и многие старожилы не знают, где ее искать. Чудо, что дом Коперницких вообще сохранился. Во время Великой Отечественной войны после ожесточенных боев за новороссийский плацдарм, так называемую «Малую землю», город буквально был стерт с лица земли. Но спустя восемьдесят лет с тех пор, как нога деда переступала порог этого небольшого дома, я смогла потрогать рукой его стены, так много видевшие и пережившие. Я испытала незабываемое, надо признаться, чувство благоговения. Увидела родовое гнездо — и сердце летящей

МЫТАРСТВА МАМЫ ДО МОЕГО РОЖДЕНИЯ

А в это время дочь Коперницких Нина, моя мама, получив художественное образование, вместе со своей мамой, моей бабушкой Анной Васильевной, возвращается на родину и приобретает мастерскую в Киеве. Ей, художнику и скульптору, нужна была культурная среда и покупатели ее работ, чего Новороссийск тогда в полной мере ей дать не мог. В возрасте двадцати восьми лет Нина Конрадовна Коперницкая выходит замуж за преподавателя Киевского университета Виталия Лабейковско-го. Это был высокий, интересный мужчина. Мама рассказывала, что когда он шел по Крещатику, то возвышался на голову над всеми.

Дед был против этого брака. Он хотел выдать свою дочь за кого-то состоятельного из клана Коперницких. Но мама вышла замуж по любви. Она вообще имела отчаянный характер: как решит, так и сделает, а потом — «расхлебывай»! Вся в моего дедушку! Отчасти это качество передалось и мне, ставши жизненным девизом: «Только вперед!»

В первом браке у Нины Конрадовны родились дочь Татьяна (1912) и сын Миха-

бабочкой затрепетало в груди... Как прекрасно было бы устроить в этом здании музей, посвященный «Царскому Новороссийску», судьбам беженцев, среди которых были и члены Династии Романовых, и представители многих знаменитых фамилий, навсегда покинувших Родину от этих живописных берегов).

В 1912 году Конрад Фортунатович продал дом и купил землю недалеко от города, на противоположном берегу Цемесской бухты, рядом со знаменитым имением князей Голицыных. Через непродолжительное время имение Коперницких обустривается: высаживаются новые плодовые деревья, земля облагораживается, строения приводятся в порядок.

ил (1916), мои сводные сестра и брат. С молодыми тогда жила бабушка, помогая растить детей. А когда произошла революция и началась гражданская война, мама думала уехать, чтобы спасти маленьких детей. Однако муж Виталий не захотел покидать любимый город, надеясь, как и многие, что скоро всё вернется в прежнюю колею.

Однажды, в 1919 году, маме приснился сон, будто дедушку убили, завернули в ковер и поставили в плакар — стенной шкаф. Страшно взволнованная, она решила поехать в Новороссийск провести отца. Зловещий сон оказался пророческим. Врач Конрад Фортунатович Коперницкий, всю жизнь спасавший людей, был убит без суда и следствия в своем имении, завернут в ковер и спрятан в стенном шкафу. Он стал одной из первых безвинных жертв революционного террора в Новороссийске.

Похоронив отца, мама вернулась в Киев и рассказала о случившемся бабушке. Та очень сильно расстроилась, и что-то надломилось в ее душе. Вскоре бабушка простудилась, получила воспаление легких

и умерла. Так мама осталась одна с двумя маленькими детьми на руках — муж отказался им помогать.

Выход виделся один: спасая детей, хотя бы на недолгое время покинуть охваченную кровавой смутой Россию. Предполагая уехать всего на несколько месяцев, мама даже все семейные сбережения

(десять тысяч рублей, что по тем временам была сумма немалая) положила в Новороссийский банк. Оказалось, сделала бессрочное вложение — теперь ищи ветра в поле. После трудных скитаний по пылающей России мама вместе с моими будущими сводными сестрой и братом оказалась за границей, в эвакуационном лагере.

МАМА ВСТРЕЧАЕТСЯ С МОИМ ПАПОЙ.

ВРНЯЧКА БАНЯ

По окончании Третьего Московского кадетского корпуса и офицерского училища, молодой офицер Николай Николаевич Пупынин был приписан к станице Старошербиновка на Кубани, служил в казачьих войсках, участвовал в знаменитом Ледовом походе. В 1920 году вместе с остатками Белой армии ушел в изгнание. Претерпел многие скорби и лишения в эвакуационных лагерях на острове Лемнос и в Галлиполи, где в суровую зиму 1920–1921 годов умерло несколько сотен русских беженцев, в том числе женщин и детей. Моей маме, Нине Конрадовне Коперницкой, с дочерью Татьяной и сыном Мишей от первого брака посчастливилось выжить в том аду. В беженском лагере и познакомились мой папа с мамой.

Оттуда моим родителям удалось перебраться в Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев. Нужно было выживать: найти работу и пропитание для маленьких детей. Сначала решили обосноваться в местечке Врнячка Баня. Почему выбор пал на это место, а не на крупные центры русской диаспоры, могу только догадываться.

Городок Врнячка Баня расположен в 193 километрах на юго-восток от Белграда на высоте 230 метров над уровнем моря, неподалеку от горного массива Копаоник, на склонах горы Гуч, покрытой хвойными и лиственными лесами. Главная особенность этих мест — лечебные термальные источники. Поэтому нет ничего удивительного в том, что

в продолжение долгого времени Врнячка Баня была местом отдыха и лечения сербской элиты.

Возможно, мои родители думали именно о большом стечении отдыхающих в сезон, что облегчило бы, по их мнению, поиск работы. Или просто хотели отдохнуть с детьми «на водах» после тревожных эвакуаций. Точно не знаю. «Занесло ветром», — как говорят в России. Но человек предполагает, а Бог располагает. Из рассказов родителей помню, что обосноваться надолго в Врнячке Бане им не удалось. Папа — офицер, мирной профессии нет. Устроиться куда-либо на работу ему было трудно. И тогда отец вспомнил свое давнишнее увлечение рисованием — он был очень одарен от природы. Мой сводный брат (тогда еще будущий) Миша ходил собирать плоские камешки, а папа их сортировал, разрисовывал и продавал как сувениры Врнячки Бани за 1–2 динария.

У меня до сих пор осталось несколько таких камешков: Распятие, голова лошади и другие. Прекрасная работа! Годы спустя, уже в Венесуэле, папа однажды вспомнит свою старую «профессию» и нарисует на плоском сером камне чудесный пейзаж. Это будет подарок деда внучке, моей маленькой дочери Татьяне. Нет уже в живых отца, дочь Татьяна давно выросла и порадовала нас внучкой Александрой. А папины камешки-сувениры из Врнячке Бане все путешествуют со мной по всему миру.

Продолжение следует

ДЕТСКИЕ СТРАНИЦЫ

МОНАХИНЯ СЕРАФИМА (ОСОРГИНА).
БЛАЖЕНИ ЧИСТЫЕ СЕРДЦЕМ

ПО КНИГЕ ИЗДАТЕЛЬСТВА

ПРАВОСЛАВНОГО СВЯТО-ТИХОНОВСКОГО ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ОКОНЧАНИЕ, НАЧАЛО В № 4 (86) 2019, № 1 (89), № 2–3 (90–91) 2020

Амир он любил. Больше всего на свете любил своих папу и маму, любил столько близких — родных и друзей, собачку Жучку, котенка, любил свои игрушки. В больнице, когда он был совсем уже без надежды на выздоровление, ему захотелось поиграть игрушечным поездом, который ему подарила тетя. Отец Борис на больничном столике пускал ему заводной поезд, а он глазками следил

и радовался. В другой раз ему вдруг ужасно захотелось иметь свисток. Конечно, сразу же достали свисток, который очень ему понравился. Сережик спросил, можно ли ему свистеть вместо того, чтобы звать сестру. Добрая сестра очень обрадовалась такому проявлению жизни: «Ну, конечно, мой маленький, свисти, сколько тебе захочется!» Только, кажется, один раз он и свистнул. Больше от слабости не мог.

Сережик очень любил песенки. Все заставлял отца Бориса петь ему «Баю-баюшки-баю», «В няньки я тебе взяла ветер, солнце и орла...» Но больше он любил святые слова. Когда ему бывало особенно плохо, он просил псалмы: «Читай псалмы, читай псалмы!» И под чтение псалмов он успокаивался. Или акафист преподобному Серафиму отец Борис читал ему. Прочитает весь, начинается сначала, а Сережик слушает и утихает. Очень он метался последние дни.

Отец Никон, приезжавший к Сережику в больницу, сказал ему раз, чтобы утешить и подбодрить его:

— Вот, поправляйся, вырастешь большим, тогда владыка митрополит благословит тебя монашеским крестом и даст тебе имя Серафим!

Сережик как-то необычайно серьезно отнесся к этим словам и стал тут же просить, нельзя ли не дожидаться, чтобы он вырос, а теперь же, не откладывая, дать ему монашеский крест и новое имя любимого святого, преподобного Серафима. Так серьезно он просил, что отцу Никону пришлось передать его просьбу митрополиту. Владыка особенно любил Сережика, беспокоился о нем и, конечно, был очень взволнован этой необычайной просьбой девятилетнего мальчика. Прислал ему маленький деревянный крестик с Елеонской горы и сам впоследствии говорил с любовью и со слезами:

— Я так чувствовал, что это будет Сережикин Елеон, вознесение его...

Трудно описать, какое впечатление произвел на Сережу этот крестик. Как будто это действительно был его монашеский постриг. Крестик он взял, сжал в кулачке и больше с ним не расставался. Матери сказал:

— Только не говори об этом никому чужим.

Это была его дорогая, святая тайна. Всем близким он протягивал свой крестик, давал целовать его и ручку свою, как будто он благословлял всех, и так значительно благословлял. Разве прежний, здоровый Сережик позволил бы кому-нибудь поцеловать свою руку?

Когда я приезжала к нему за четыре дня до его кончины, он также протянул мне крестик и сказал таким изменившимся, хриплым голосом: «Он мне дал имя...»

Больше не мог говорить, но я уже знала, в чем дело, и поняла.

А между тем ему становилось все хуже и хуже. Не было возможности победить воспаление легких, очаг вспыхивал все в новых и новых местах, температура не спадала.

Пришел момент, когда доктора госпиталя сказали родителям, что больше сделать ничего нельзя. Доктор-француз сказал отцу Борису:

— Если бы этот ребенок был, как другие, можно было бы еще надеяться, но вы сами видите, что это Ангел... А задерживать на земле Ангелов не в наших силах!

Родители решили перевезти его домой, чтобы он умер дома. В тот же день его и перевезли (16 февраля).

Когда Сережика увозили из больницы, он скрестил ручки на груди: в одной ручке держал свой крестик, в другой — образок преподобного Серафима; а свисток любимый попросил положить под подушку: для него уже не хватало ручки.

Привезли его домой, положили в собственную, привычную кровать — так лучше было ему, окруженному всеми любящими лицами, в своих стенах, увешанных знакомыми иконами и фотографиями.

Он прожил еще трое суток. Отец Борис продолжал причащать его ежедневно. В первый же день переезда его домой приехали отец Никон и отец Лев. Решили втроем с отцом Борисом пособоровать его. Сережик так любил всякую церковную службу, молитву, а тут, когда его начали соборовать, он вдруг как-то недоумевающе на всех посмотрел, даже метался немного. Когда отец Никон наклонился к нему, он вполне сознательно сказал:

— Зачем это? Я каждый день причащаюсь — ведь это гораздо больше...

Всех смутили эти слова. Мне кажется, что усиленная молитва об исцелении казалась ему бессмысленной, он знал, что умирает. Сознание он сохранил до самого конца. Не только сознание, но и свою особенную приветливость, ласковость, внимание к людям. Его последние ласковые слова, его уже прерывающийся голосок никогда не забудешь.

Накануне кончины доктор, надеясь найти внутренний гнойный очаг, настоял на радиографии, и Сережика повезли на автомобиле за несколько улиц. Он ехал еще довольно бодро и с беспокойством спрашивал отца Бориса:

— Папа, тебе не дорого это будет стоить?

Но после радиографии Сережик очень устал, пульс стал слабеть и временами совсем исчезал. Доктору казалось, что он нашел глубокий внутренний нарыв в легком. Он хотел сделать выкачивание гноя, но на следующий день Сережик был настолько слаб, что решено было сделать ему перед выкачиванием переливание крови. Дала ему свою кровь одна милая русская дама. Сережик повернул к ней голову после переливания и сказал:

— Спасибо! Вам не больно?

Сердце все слабело, дыхание становилось труднее. Через час его не стало.

...И вот он лежит на столе в своем белом стихарике с крестиком и четками в руках.

Когда шили этот стихарик на Пасхе этого года, Сережик вдруг спросил:

— А вы меня в нем похороните?

Он был такой здоровый, веселый мальчик, никто тогда не обратил внимания на эти слова. Но слова запомнились и вспоминались теперь.

Он лежал весь беленький (в первый день еще не навезли цветов), и в этой простоте и строгости было что-то чисто монашеское.

Стихарик, виднеющаяся из-под него вышитая русская рубашечка, крестик, четки. На столике, в ногах его — собранные святыни, привезенные ему, аналой с Псалтырью и приготовленным кадилом, лампадка, свечи. Восковые ручки и его дивное личико, неземного выражения покоя, мира и света...

Скончался Сережик в понедельник, 19 февраля. Похоронили его в четверг, 22-го. Три полных дня и три ночи он был еще с нами.

Те, кто пережил чудо этих трех дней, наполненных невыразимым таинственным присутствием, никогда их не забудут.

Несколько раз служились панихиды, и многие, многие собирались вокруг Сережика помолиться. Редко отец Борис служил один, чаще ему приходилось сослужить другим священникам, которые приезжали поклониться маленькому подвижнику. Все его знали, все любили, для всех его кончина была потрясением и искренним горем. На первой панихиде как-то невольно отец Александр Калашников помянул его «блаженный отрок Сергей». И так и осталось за ним это звание. Воистину «блаженный отрок»! Не «блаженный младенец»; пора младенчества ушла от него, от этого зрелого плода Господней нивы, но блаженство осталось.

В промежутках между панихидами, днем и ночью друзья и близкие читали Псалтырь. Я оставалась с родителями Сережика до самых похорон. Сколько раз, когда меня сменяли в чтении Псалтыри, я с сожалением отдавала книгу. Не хотелось покидать эту комнату, не хотелось уходить из этой светлой, молитвенной атмосферы, окружавшей его. Ночью, когда в промежутках между чтением я ложилась отдыхать в соседней комнате, я невольно думала: «Вот ложусь отдыхать, спать, а рядом — эта красота». Не хотелось упускать редких драгоценных минут. И в тишине ночной особенно хорошо было около Сережика, особенно чувствовалось присутствие невидимое, таинственное, светлое...

К некоторым панихидам приводили детей колонии. Один раз пришел к службе директор французской школы и привел одноклассников Сережика.

Очень трогательно было видеть этого беленького отрока в стихарике, который лежал с таким чудным, светлым личиком, окруженного живыми детьми, особенно самыми маленькими. Он так хорошо лежал, так покойно, радостно отдыхал, что детям не могло быть страшно. Малыши неудержимо плакали, так наивно, просто, усердно крестились, вытирали кулачками слезы. Трудно было, глядя на них, удержаться от слез.

Хоронили Сережика на четвертый день после его кончины, 22 февраля. Во гроб положили накануне, 21-го вечером. На лице его не то что не видно было следов разрушения, которых можно было опасаться после такой страшной болезни с внутренним гнойным процессом, наоборот, — исчезли с лица всякие следы страдания, болезни. Личико менялось, светлело, яснело. Он был прекрасен.

Сережика похоронили на русском кладбище в Сен-Женевьев де Буа. Из Вильмуассона довели гроб на автомобиле. Собралось семь священников (архимандрит Никон, отец Александр Калашников, отец Лев Липеровский, отец Александр Чекан, отец Димитрий Клепинин, отец Борис Старк и отец Георгий Сериков). От машины до церкви несли гроб одни священники под медленный перезвон колоколов кладбищенской церкви. Впереди и кругом гроба множество детей несли цветы, венки, привезенные Сережику. Все больше белые цветы.

Те, кто был на похоронах Сережи Старка, никогда не забудут этой удивительной службы, этого особенного молитвенного подъема, красоты и благолепия. Толпы народа собрались к отпеванию, съехались из Парижа, несмотря на дальность расстояния, неудобство и утомительность путешествия. И вот она, могилка, окруженная русскими крестами, недалеко от милой русской церкви с синим куполом, под необъятным ясным куполом весеннего неба, в котором заливаются первые жаворонки.

А разве Сережик сам в могиле? Разве не смотрит он на всех нас своими ясными, просветленными

глазками оттуда, из этого высокого голубого неба? Не радуется, что множество людей собралось вокруг его могилки, что все они и многие другие души человеческие ради него возносят теплые молитвы к Богу?

Его собственное и постоянное устремление к Богу, проявлявшееся во всей его недолгой жизни, благодатным свежим воздухом пахнуло в души всех тех, кто молился за него.

Многим, молясь за него, невольно хотелось молиться ему...

ПОСЛЕСЛОВИЕ

К написанному Антониной Михайловной Осоргиной (ныне монахиней Серафимой) мне хотелось бы прибавить несколько подробностей, которые от нее ускользнули. Сережик был большой уставщик — хранитель церковных порядков и традиций.

Он знал, что человека, постриженного во чтецы и как такового носящего стихарь, хоронят в нем. А над ним не была совершена хиротесия во чтецы, и поэтому он не знал, можно ли его хоронить в стихаре. Действительно, эта мысль занимала его вскользь еще раньше, но, когда он заболел и когда он уже

был уверен, что умирает, эта мысль вновь беспокоила его. Он настолько знал, что умирает, что попросил принести в больницу всё, во что его надо будет облачить, и в том числе и стихарик. Когда увидел, что мама принесла всё, вздохнул с облегчением. Когда после тревожной ночи, проведенной нами в больнице на диване, он увидал, что на следующую ночь диван унесли, он сказал нам:

— Идите... Это не сегодня. Видите, диван унесли!

Он распределил многие свои вещи, игрушки, книги — кому что после него подарить.

Может показаться странным, что в больнице не сделали рентген, но это было первое полугодие войны, все еще не наладилось, и, в частности, из-за отсутствия топлива зал с установкой рентгена был не тоplen, и в феврале им пользоваться не могли. Наш вильмуассонский врач взял кабинет и клиентуру своего коллеги, ушедшего на фронт, и там была полная рентгеноустановка. Этот доктор появился во время пребывания Сережика в больнице, и до больницы мы к нему обратиться не могли. Другой доктор такой установки на дому не имел, и поэтому до больницы сделать просвечивание было невозможно.

Пенициллин был уже в обращении, но он появился только-только и весь был отдан фронту и войскам, а мирное население им еще не лечили.

Протоиерей Борис Старк

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА

ЛЕТОПИСЬ ЕДИНОВЕРЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

МОЛЕБНЫ В ВЕРТЯЧЕВО И КУЛАКОВО	2
ОСВЯЩЕНИЕ ОБНОВЛЕННОГО ЕДИНОВЕРЧЕСКОГО ХРАМА В КУЗНЕЦКЕ	3
ТОРЖЕСТВЕННОЕ БОГОСЛУЖЕНИЕ В ДЕНЬ РОЖЕСТВА СЯТИТЕЛЯ НИКОЛЫ ЧУДОТВОРЦА В КРЕСТОВОЗДВИЖЕНСКОМ ЕДИНОВЕРЧЕСКОМ ХРАМЕ ГОРОДА КУЗНЕЦКА	4

ИСТОРИЯ ЕДИНОВЕРИЯ

ИСТОРИЯ МОСКОВСКОЙ ЕДИНОВЕРЧЕСКОЙ ТИПОГРАФИИ. ОТКРЫТИЕ МОСКОВСКОЙ ЕДИНОВЕРЧЕСКОЙ ТИПОГРАФИИ ПРИ ТРОИЦЕ-ВВЕДЕНСКОЙ ЕДИНОВЕРЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ (ПРОДОЛЖЕНИЕ)	6
---	---

ЛИЦА ЕДИНОВЕРИЯ

В. И. КАРПЕЦ. ДВОРЫ И КАМНИ. Из истории Единоверия и усилий по преодолению церковного раскола XIX века. Посвящается 125-летию памяти священноархимандрита Павла Прусского (ПРОДОЛЖЕНИЕ)	15
---	----

ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНИЕ

П. Г. ЧИСТЯКОВ. Главы из книги о чудотворной иконе Божией Матери Иерусалимской. Почитание Иерусалимской иконы Богоматери из Бронниц и ее списков в 1990-е–2000-е годы и в наши дни (ПРОДОЛЖЕНИЕ)	22
--	----

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТРАНИЦЫ

О. Н. КУЛИКОВСКАЯ-РОМАНОВА. Благородные	27
---	----

ДЕТСКИЕ СТРАНИЦЫ

МОНАХИНЯ СЕРАФИМА (ОСОРГИНА). Блажени чистые сердцем (ОКОНЧАНИЕ)	32
--	----

Издание Мухомоло-Архангельской единоверческой общины

Главный редактор: священноархимандрит Иринарх (Денисов)

Ответственный за выпуск: протоиерей Евгений Саранча

Дизайн и верстка: Я. Хорева

Корректоры: Н. Яшина, П. Чистяков, В. Каменская

Фотографы: протоиерей Евгений Саранча, иерей Максим Мальцев, использованы фотографии предоставленные
потомками протоиерея Александра Соловьева, личного архива П. Чистякова, архива Димитриевской церкви с. Малахово

Дорогие читатели, низайше просим вас после прочтения очередного номера нашего издания
не использовать его ненадлежащим образом, памятуя о том, что в нем находятся священные
изображения и надписания священных имен Господа Иисуса Христа, Пресвятыя Богородицы
и святых угодников Божиих.

Если небрежением или по незнанию сделали что неправильно или неискусно, Вы, православные
христиане, простите нас, Христа ради, да и Вас простит Господь Бог наш. Аминь.